

В молодости Джон Войт легко и непринужденно освоил амплу кинозвезды с большим актерским талантом. Он прославился в "Полуночном ковбое" (1969) и получил "Оскар" за "Возвращение домой" (1978). В 80-е годы его карьера не клеилась, а в 90-е он уже не мог соревноваться с молодыми и зубастыми суперменами нового поколения, поэтому стал характерным актером.

Похоже, после фильма "Али", выпущенного в прокат в декабре 2001 года, в карьере Войта начинается третий акт.

Как ни странно, идея насчет третьего акта вовсе не радует знаменитого актера. Он кажется удивленным и немного опечаленным. "Третий акт – в смысле последний? – осведомляется он. – Наверное, вы правы. Я слишком долго работаю в кино."

Насчет "слишком" – это он зря. В его удивительной карьере вполне возможен и четвертый, и пятый, и даже десятый акт. Всего полгода назад он сыграл в приключенческом боевике "Лара Крофт" – сыграл отца собственной дочери Анджелины Жولي. А в фильме Майкла Манна "Али" играет знаменитого в 60-е годы спортивного журналиста Ховарда Козелла, который вел на телеканале ABC программу "Мир спорта".

Козелл вырос в Бруклине во время Депрессии. Он учился на юридическом факультете и впоследствии использовал приемы адвоката и прокурора, вовлекая спортсменов в дебаты, выходящие далеко за рамки привычного телевизионного трепа.

"Он считал, что спортивный журнализм выходит за рамки простых репортажей, – говорит о Козелле Войт. – Он относился к профессии журналиста с величайшей ответственностью. Он был воин на спортплощадке. В детстве он страдал от антисемитизма, и

увлекся спортом, потому что там, как ему казалось, все обладают равными правами на выигрыш".

Войт готов часами говорить о Козелле – он тщательно изучал характер своего героя, месяцами просиживая в библиотеках и телевизионных архивах. Во время интервью Войт то и дело достает отпечатанные на ксероксе стра-

с натуральным "носовым" нью-йоркским акцентом, но чтобы уловить и передать уникальный тenor Козелла, ему пришлось изрядно потрудиться. Актер говорит, что голос Козелла кажется ему больше всего похожим на вой сирены скорой помощи.

И конечно же, главной проблемой была внешность. Как превра-

зелла был невысокий лоб, – говорит Войт. – Частично мы скрыли мой лоб под париком, частично – подняли брови".

Хотя в "Али" подробно рассказывается о трех браках великого спортсмена, самые трогательные сцены фильма происходят все же не в спальне. Трогательнее всего стали сцены между Али и Козеллом. В эфире они задирались; в жизни были как братья. Козелл отлично понимал Али и помогал ему на протяжении всей карьеры. "Оба они пришли в спорт не только ради спорта, – говорит Войт. – Они чувствовали политическую и этическую ответственность, понимали, как спорт влияет на молодежь. В этом отношении они были очень похожи".

Войт согласился на роль Козелла, потому что сам является борцом за многие правые дела. Он выступал против войны во Вьетнаме. В его доме висят портреты Мартина Лютера Кинга, Махатмы Ганди, матери Терезы и Хелен Келлер. Он вспоминает время, когда снимался в "Полуночном ковбое", как "год, когда убили Боба Кеннеди и Мартина Лютера Кинга". Наконец, он говорит, что если бы не стал актером, пошел бы в учителя.

К счастью, он стал актером, и вот уже более 30 лет снимается в кино. Войт признается, что в последнее время ему трудно поспеть за молодыми, но он пока не сдается, хотя силы уже не те. Каждый день он принимает по 15 таблеток витаминов, пьет особый травяной чай и позволяет себе только хлеб из муки грубого помола.

"Иногда мне кажется, что все уже сыграно, и нет смысла продолжать играть в эти игры, – говорит он на прощание. – Но когда тебе попадается такая роль, как Козелл, ты понимаешь, что впереди еще много сюрпризов".

Третий акт Джона Войта

ницы автобиографии Козелла и зачитывает вслух подчеркнутые отрывки со страстью молодого актера, впервые в жизни оказавшегося на пробах.

Войт также изучал запись позднего Козелла, будучи при смерти, прислал Али 10 лет назад. "На пленке видно, что Козелл смотрит смерти в лицо, но остается прежним Козеллом, – говорит Войт. – Он произнес коротенькую речь: "Не могу поверить, что тебе 50 лет. Твое имя – Мухаммед Али. Поздравляю. Я люблю тебя". Это было сказано от всей души".

Не все факты, описанные в автобиографии Козелла, попали в фильм. Он был алкоголиком, перед смертью его парализовало. "У него постоянно тряслись руки, – говорит Войт. – Но я не стал демонстрировать этого в фильме, потому что обойтись без объяснений было бы невозможно. А тогда нужно было бы снимать отдельный фильм о Козелле".

Родившийся в Йонкерсе в семье чешских эмигрантов, Войт говорит

тут широкое славянское лицо Войта в лицо бруклинского еврея? "Мне пришлось носить накладной нос, уши, веки. Глаза Козелла были почти не видны из-под тяжелых век. Мое лицо трудно превратить в лицо еврея, но, как видите, на свете нет ничего невозможного", – гордо говорит Войт, и добавляет, что сам рисовал наброски внешности, готовясь к роли. "Ведь я начал рисовать с трех лет".

У Козелла была сутулая фигура, словно он все время нес на спине тяжелый мешок. Высоченному Войту пришлось "сложиться" чуть ли не вдвое, чтобы соответствовать персонажу. "У него была ужасная осанка, – соглашается Войт, и тут же демонстрирует походку Козелла вокруг стола. – Вот, видите?" Со спины он кажется старой каргой. "И тем не менее он был невероятно обаятельным человеком!" – Войт смеется и снова садится в кресло.

Венцом перевоплощения Войта стал массивный каштановый парик, закрывший часть лба. "У Ко-